

СТАЛИН

**ФЕНОМЕН ВОЖДЯ:
ВОЙНА С СОБСТВЕННЫМ
НАРОДОМ, ИЛИ СТРЕМЛЕНИЕ
ОСЧАСТЛИВИТЬ ЕГО
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ**

АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ
И ПОСТУПКОВ СТАЛИНА,
КОТОРЫЕ СЫГРАЛИ
ВАЖНУЮ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ
ЕГО КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДЕЯТЕЛЯ РОССИЙСКОГО
И МИРОВОГО МАСШТАБА

ВЛАДИМИР КУЗНЕЧЕВСКИЙ

Владимир Кузнечевский

**Сталин. Феномен вождя:
война с собственным
народом, или Стремление
осчастливить его любой ценой**

«Центрполиграф»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кузнечевский В. Д.

Сталин. Феномен вождя: война с собственным народом,
или Стремление осчастливить его любой ценой /
В. Д. Кузнечевский — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07494-2

Этот выдающийся государственный и политический деятель оказал и продолжает оказывать существенное влияние на мир. Однако многие его действия следует оценивать как преступные по отношению к обществу и к людям. Практически единолично управляя в течение тридцати лет крупнейшим на планете государством, он последовательно завел Россию и ее народ в исторический тупик, выход из которого оплачен и еще долго будет оплачиваться не поддающимися исчислению человеческими жертвами. Но не менее верно и то, что во многих случаях противоречивое его поведение было вызвано тем, что исторические обстоятельства постоянно ставили его в такие условия, в каких нормальный человек не смог бы выжить ни в политическом, ни в физическом плане.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07494-2

© Кузнечевский В. Д., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	6
Введение. Прошлое в России непредсказуемо	8
Как родился замысел этой книги	8
Часть первая. Война	17
Глава 1. Почему нашествие стало внезапным?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Кузнечевский

Сталин. Феномен вождя: война с собственным народом, или Стремление осчастливить его любой ценой

© В. Д. Кузнечевский, 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Моему отцу Дмитрию Федоровичу Кузнечевскому и еще миллионам русских мужиков, которые, невзирая на сталинскую деспотию, отстояли в Великую Отечественную «Европы вольность, честь и мир», с неизменной благодарностью посвящаю.

Автор

От автора

Многолетнее знакомство с большей частью литературы о Сталине привело меня к однозначному выводу: все, что написано об этом человеке в России и за рубежом, – все правильно, и негативное, и позитивное. Это был действительно выдающийся государственный и политический деятель национального и мирового масштаба, и многие его деяния, совершенные им в первой половине XX столетия, оказывают существенное влияние на мир и в XXI веке. Но правильно и то, что многие его действия следует оценивать как преступные по отношению к обществу и к людям. А главное – практически единолично управляя в течение тридцати лет крупнейшим на планете государством, он своими действиями последовательно завел Россию и ее народ в исторический тупик, выход из которого оплачен (и еще долго будет оплачиваться) не поддающимися исчислению человеческими жертвами. Но не менее верно и то, что во многих случаях противоречивое его поведение было вызвано не только параноидальными чертами его характера, а и тем, что исторические обстоятельства постоянно ставили его в такие условия, в каких нормальный человек не смог бы выжить ни в политическом, ни в физическом плане.

К такому выводу подталкивают не только собственные деяния Иосифа Джугашвили-Сталина, но и вся, посвященная этим деяниям, литература. А она обширна.

Как утверждают авторы единственного пока на сегодня обзора «Историография сталинизма», создать аннотационный перечень всех имеющихся на сегодняшний день работ о Сталине «не представляется возможным», потому что речь идет о тысячах и тысячах книг на более чем сотнях земных языков¹. Занимаясь этой темой с 1965 года, познакомившись, как мне видится, с большей частью относящейся к сталиниане литературы на русском, английском и других языках, готов подтвердить этот вывод. Но при этом обращает на себя внимание одно весьма существенное различие в подходах к изучению этого феномена в России и за рубежом.

Российских авторов интересует, как правило, предметная часть искомого – если пишут или говорят о Сталине в Великой Отечественной войне, например, то в первую голову обращают внимание на факт Победы над германским вермахтом и гораздо в меньшей степени – каких человеческих потерь нашему народу эта Победа стоила. У нас много пишут о том, сколько европейских стран Россия освободила от фашизма, но предпочитают умалчивать о том, что вслед за этим сталинский СССР навязал странам Восточной Европы свой политический режим. Если говорят о проведенной Сталиным в считанные годы индустриализации страны, то за бортом, как правило, остается человеческая цена этого подвига. Тот же подход чаще всего проявляется и к коллективизации сельского хозяйства. И вообще, даже если брать в расчет отечественные публикации о Сталине только после 1956 года, то есть после разоблачения Хрущевым «культа личности», то нельзя не отметить, что main stream этих публикаций крутится вокруг, по преимуществу, фактов, цифр, поступков, избегая при этом по возможности интегральной исторической оценки Сталина.

Западные же авторы (американские и европейские) предпочитают концентрироваться на моральных характеристиках личности Иосифа Джугашвили-Сталина, подробно и детально описывая моральную сторону репрессий сталинской эпохи. Абсолютное большинство авторов зарубежной сталинианы исходят из того, что генеральный секретарь ЦК большевистской партии всю свою сознательную жизнь только то и делал, что воевал с собственным народом, и объясняют это параноидальными чертами его характера.

При этом абсолютное большинство этих авторов избегает даже попыток разобраться в мотивах, которыми руководствовался Сталин в своих действиях.

¹ Историография сталинизма: Сборник статей / Под ред. Н. А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5.

А мотивы между тем имели место быть. Более того, осуществленные мною многолетние изыскания позволяют прийти к выводу, что Иосиф Джугашвили-Сталин все свои действия оправдывал тем, что он всю свою жизнь боролся за народное благо, а если и совершал при этом преступные по отношению к народу и отдельным людям действия, то делал это не в силу особых черт своего характера и низкой общечеловеческой культуры, исключительно – в силу стремления осчастливить народ в целом, на современном жаргоне – ничего личного, только в интересах бизнеса. Правда, народ при этом он понимал как массу людей, органически включенных в государство, абсолютное укрепление организационных основ которого он и трактовал как народное благо.

С годами у меня сложилось убеждение, что на этом пути он нередко отдавал самому себе отчет в том, что многие его поступки и действия по отношению к конкретным людям носят преступный характер. Но его это нимало не смущало. Сам для себя он эти преступные действия оправдывал тем, что живет и работает для выполнения некоей сверхзадачи, сверхцели.

В предлагаемом читателю тексте я попытался объединить два этих подхода (отечественный и зарубежный), провести их сравнительный анализ, поверить их историческую адекватность. Для выполнения этой задачи потребовалась многолетняя работа в архивах, сравнительный анализ мемуарной литературы, как советской (русской), так и зарубежной.

Особо хотел бы отметить то обстоятельство, что поскольку работа над темой началась еще в начале 1960-х годов, то мне несказанно повезло на встречи с людьми, которые годами лично соприкасались со Сталиным в силу профессиональных и жизненных обстоятельств. Впечатления от бесед с ними я регулярно заносил в свой личный дневник. Первая такая встреча состоялась в июле 1961 года в Москве с Семеном Ивановичем Араловым (1880–1969), первым полпредом Советской России в Турции и целом ряде других стран, которого на эту работу определил лично В. И. Ленин, а потом и еще со многими современниками Сталина в России (СССР) и за рубежом. Личные впечатления таких свидетелей истории XX века всякий раз производили на меня неизгладимое впечатление.

И еще одно, о чем считаю необходимым упомянуть. В процессе работы над книгой я годами постоянно проверял свои мысли по заявленной теме в многочисленных беседах с покойным Леонидом Владимировичем Шебаршиным (24.03.1935–30.03.2012), бывшим руководителем советской внешней разведки, с которым меня связывали 22 года (вплоть до его трагического ухода из жизни) тесные творческие товарищеские отношения. Я не всегда соглашался с его суждениями, а он – моими, но эти беседы тоже сыграли свою роль в формировании моего видения сталинского феномена.

Введение. Прошлое в России непредсказуемо

*Даже боги не могут бывшее сделать небывлым.
Пословица античных времен*

Как рождался замысел этой книги

Так получилось, что эту книгу я писал всю свою сознательную жизнь. Не всегда с ручкой в руках, с помощью пишущей машинки или, позднее, компьютера, часто мысленно, в армии и на охоте, в России и за рубежом, но именно писал.

А началось это еще в марте 1953 года. Я учился тогда в 7-м классе Транспортной школы г. Бодайбо, что в Иркутской области.

Простое деревянное одноэтажное, вытянутое в длину здание, с десятком выходивших на улицу больших окон с характерными для Сибири двойными рамами. Просторная светлая классная комната с тремя рядами парт. По углам сложенные из кирпича и затянутые поверху черным листовым железом две полукруглые печи, которые в народе называли голландками. Почему именно так – никто не знал. В классную комнату они выходили полусферами, а топились из коридора дровами. Тепла они давали много, а в классе было всегда чисто.

6 марта, в пятницу, у нас шел урок математики. Было где-то около полудня. Сибирские морозы еще и не думали отступать перед натиском весны. Днем, правда, уже стали появляться сосульки под навесами крыш, но по ночам еще давили морозы за минус 30 по Цельсию, а снежные сугробы таять вроде как и не собирались.

В классе было тепло. И тихо. Все ученики молча склонились над тетрадками и чуть слышно скрипели перьевыми ручками, решая задачу. Молодая, строго одетая в юбку и жакет учительница стояла у чисто побеленной стены и, не обращая на нас внимания, во что-то задумчиво вглядывалась за окном. А может быть, и не вглядывалась, а просто думала о чем-то своем. Во всяком случае, дав задание, практически не обращала на нас внимания. Тишина прерывалась только тихим стукотком. Это время от времени, когда чернила на перьях ручек пересыхали, кто-нибудь из нас с размаху (девчонки аккуратно, а мальчишки именно с размаху, не глядя) обмакивали их в стоявшие перед каждым округлые приземистые стеклянные чернильницы-непроливайки.

Внезапно дверь в класс шумно и широко распахнулась. Все враз подняли головы. На пороге стояла, не заходя в комнату, наша классная руководительница, учительница русского языка и литературы Полина Ивановна. По щекам ее текли слезы. Было заметно, что она с трудом справлялась с рвущимися наружу рыданиями, сглатывая слезы, и некоторое время молча смотрела на класс. Мы замерли, не понимая, в чем дело, но ощущая, что случилось что-то ужасное. Не шелохнулась и учительница математики у окна.

– Ребята... – сдавленным голосом промолвила Полина Ивановна, – горе-то какое... товарищ Сталин умер...

Мы, не зная, как вести себя в такой ситуации, тихо встали. Не хлопнула ни одна крышка на парте. И так же молча долго стояли...

Уроков в этот день больше не было. Я пришел домой и стал ждать маму с работы. Жили мы с ней в небольшой комнатухе, 5 метров в длину и 2 метра в ширину. Ровно напололам жилье наше перегорживала печка. В комнате всегда было холодно. По ночам если на полу оставалась стеклянная банка с водой, то к утру мы находили в ней лед. Мама работала уборщицей в конторе Бодайбинской железной дороги (была у нас такая узкоколейная дорога, протяженностью километров сто, которая соединяла Бодайбо с Ленскими золотыми приисками)

и домой с работы приходила поздно, после семи вечера. Но в этот день и она пришла рано. Я сразу кинулся к ней:

– Мама, ты знаешь, Сталин умер! Горе-то какое!

И заплакал. Мама села на застеленную утром кровать, на которой мы обычно сидели вдвоем, так как другой мебели у нас не было, положила мне на голову руку, погладила и сказала:

– Не плачь, сынок. Сталин был плохим человеком...

Я растерялся. Никогда ранее мама ничего подобного мне не говорила. В школе же нам внушали, что Сталин – гений, что он никогда не ошибается, все и всегда делает правильно, живет для народа и что все советские люди, включая и нас самих, его беззаветно любят. Мамины слова шли вразрез с тем, что мне говорили в школе.

Сталина я раньше видел. В кино. В Бодайбо в единственном в городе кинотеатре, куда мы, ребяташки, ходили по воскресеньям, перед каждым киносеансом прокатывали документальный киножурнал «Новости дня», где вождя иногда показывали. Помню, даже перед кинолентой «Тарзан», в титрах которой стояло: «Этот фильм взят в качестве трофея после победы над Германией в Великой Отечественной войне», обязательно шел этот киножурнал с официальной хроникой.

Однажды слышал и голос. Причем не на пластинке, а вживую, по радио. Запечатлелся в памяти его глуховатый тембр, неторопливо выговариваемые с заметным грузинским акцентом слова. Речь, о которой я говорю, транслировалась по радио, по-моему, 2 сентября 1945 года. Смысла сказанного я, естественно, не понял, а вот голос запомнился. Наверное, слышал я его и раньше, все слушали его редкие выступления по радио, но в памяти не отложилось, мал был. А в сентябре 1945-го мне было уже 6 лет и 7 месяцев.

Фраза мамы о том, что Сталин был «плохим человеком», тогда, в марте 1953 года, меня потрясла. Но смысл ее я понял много позже. Уже после 1956 года от мамы узнал, что политический курс Сталина железным катком прокатился по судьбе всей нашей семьи. Во время коллективизации в крупном сибирском селе Успенка Тюменской области семья наша была раскулачена. И это обстоятельство аукалось мне потом всю жизнь. Вот только один пример.

В 1960 году, когда я служил в армии в Чите, почти весь личный состав нашей части перевели в создававшееся рядом ракетное подразделение. Но меня, секретаря комсомольской организации мотопехотного полка, оставили на прежнем месте. Мне не хотелось расставаться с моими товарищами-сослуживцами, особенно с моим другом, талантливым солдатским поэтом Игорем Красиковым, и я пошел к полковому особисту (так в полку называли представителя КГБ, а именно он и отбирал солдат для перевода в ракетную часть), выразив просьбу продолжить службу в ракетном подразделении. Майор внимательно посмотрел на меня, помолчал, а потом сказал:

– Ракетный полк, рядовой Кузнечевский, – часть особой секретности. А ты что, забыл, что у тебя отец и дед раскулачены? Ты-то, может быть, и забыл, да мы помним.

Я вспыхнул:

– Мой отец, младший сержант Кузнечевский, в декабре 1941 года в составе сибирской дивизии воевал под Москвой, был ранен при взятии железнодорожного вокзала города Калинина, а после госпиталя был переброшен в Ленинград и в апреле 1942 года погиб...

Майор с сожалением посмотрел на меня:

– Это, рядовой Кузнечевский, не имеет ровно никакого значения. Твой отец раскулачен. Его счастье, что погиб.

– Как же вы тогда меня комсомольским секретарем-то поставили?

– Так ведь пехотный полк – не секретная часть. А потом, кому-то и работать надо. Не всех же по анкетам рассказывать.

После этого случая у меня в жизни еще много чего было. Но стоило мне начать выдвигаться куда-то вверх по карьерной лестнице, как тут же находился «майор-особист», который занудно рассказывал мне о моем «законном» месте в моем Отечестве и объяснял, почему я не имею права занять ту или иную должность.

Правда, меня это никогда особо не расстраивало, потому что первостепенными авторитетами для меня всегда были мой отец, отдавший жизнь за Родину во время войны, мама, вырастившая нас со старшим братом после войны, Россия и государство Российское, народ наш русский, а потом, позже, к этим ценностям добавилась моя семья, которую, правда, по-настоящему мне удалось создать только с третьей попытки.

Эти настоящие, с моей точки зрения, ценности я никогда не отождествлял ни с существующей властью, ни с КПСС. Но описанные выше обстоятельства с годами все больше и больше вызывали мой интерес к тому, в каком обществе я живу. Что именно было построено в России после Октября 1917-го? Какая социально-политическая система? Была ли альтернатива этой системе? Какое место в ней отводилось моему народу и что сам народ думал о ней? Достоин ли был мой народ той социально-политической системы, в которой он жил столько лет? Почему столько лет терпел этот режим? И кто такой, в конце концов, Сталин, с которым все это было связано крепкими узами?

Вопросы эти начали занимать меня еще со времени учебы в Бодайбинском горном техникуме, куда я поступил после восьмого класса в 1955 году. В библиотеке техникума были представлены все отдельные работы Сталина. До сих пор помню твердые красные, тисненные золотом обложки этих книг. Я практически все их вытаскал из библиотеки и не вернул ни одной: никому они не были нужны, а раз так, то я и не возвращал их обратно. Но прочитал. Не все, конечно, понимал, но читал с живым интересом.

Более глубоко над перечисленными выше вопросами задумался после того памятного разговора с майором-особистом. Но по-настоящему передо мной встала во весь рост тема Сталина как предмет научного исследования в начале 1960-х, когда я поступил на философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Однако приступить к ее изучению так, как мне хотелось, то есть глубоко и объективно, я не мог. В 1961-1962 годах литературы о Сталине было сравнительно много, но практически вся она носила обличительный в отношении культа личности Сталина характер, и в основном это была публицистика, глубоких исторических работ не было. Меня эта односторонность не устраивала. Хотелось самому разобраться не только в личности Сталина, но и в той политической системе, которую он, как нам всем внушали, в России для нас построил за 30 лет своего управления. А для этого советский социализм нужно было сравнить с каким-то другим, какого мы не знали и видеть не могли.

Между тем в так называемом социалистическом лагере была страна, которая была абсолютно закрыта для публичного изучения, потому что ее руководство строило социализм, радикальным образом отличающийся от советского. А ее руководитель, Иосип Броз Тито, снискал себе славу личного противника Сталина еще при жизни последнего, в 1940-х годах. Этой страной была Югославия.

Много позже, работая в архивах, я узнал, что после смерти Сталина люди, которые разбирали оставшиеся после вождя личные бумаги в его кабинете, в выдвижном ящике его стола, под газетой, застывавшей фанерное дно ящика, обнаружили рукописное письмо, обращенное лично к Сталину. Содержание этой фактически записки было кратким: «Сталин, ты прислал в Белград уже пятого своего наемника с заданием убить меня. Ни одного из них уже нет в живых. Прекрати это делать. Если ты продолжишь, то я пришлю в Москву только одного человека, но он сделает свое дело. *Иосип Тито*. 1952 г.».

В 1965 году, будучи студентом 3-го курса философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, я заявил тему критического осмысления югославской общественной

системы (никакой другой темы по Югославии, кроме критики, тогда заявить было невозможно). Но в советской научной литературе исследований югославского пути к социализму в форме комплексного подхода тогда просто не существовало. В пропаганде же опыт Югославии противопоставлялся советскому строю. В силу этого правящей тогда КПСС было необходимо иметь в своем распоряжении научную критику югославской теории и практики. Наверное, именно поэтому мне было разрешено начать разрабатывать эту тему и был разрешен доступ к литературе так называемого специального хранения в библиотеках Москвы.

Для меня же это была еще и единственная возможность получить доступ к критической литературе о Сталине на английском и сербско-хорватском языках, которая поступала из Югославии в московский спецхран. Пришлось, правда, для этого выучить сербско-хорватский язык. В широком доступе учебников этого языка не было, пришлось изучать его по английским учебникам, которые удалось найти в букинистических магазинах Москвы.

Моя курсовая работа плавно перетекла в дипломную, на защите которой мой оппонент Иван Андреевич Козиков, доцент философского факультета, неожиданно предложил засчитать мой диплом в качестве кандидатской диссертации, на что руководство философского факультета, конечно, пойти не решилось. Единственное, что руководитель отделения научного коммунизма профессор Ковалев рискнул сделать, – так это дать мне рекомендацию в аспирантуру. Но его тут же «поправили»: поскольку за годы учебы я не один раз выступал на партактивах с публичной критикой практической деятельности отдельных руководителей КПСС – мне выдали так называемый «свободный диплом».

В СССР каждого выпускника вуза, за исключением иностранцев, в обязательном порядке обеспечивали направлением на работу. «Свободный диплом» на практике означал получение так называемого «волчьего билета»: меня, обладателя «красного диплома», то есть диплома с отличием, просто лишили рабочего места.

Но «на улице» я находился недолго. Вице-президент АН СССР, директор Института философии АН СССР, академик Ф. В. Константинов, научный руководитель моего дипломного проекта, узнав, что я оказался без распределения, написал ректору МГУ академику Петровскому письмо с просьбой направить меня на работу в распоряжение Академии наук СССР. Так я стал стажером-исследователем Института философии АН СССР, а затем младшим научным сотрудником Института экономики мировой социалистической системы АН СССР и уже официально смог продолжать изучение югославского пути к социализму.

В 1972 году я впервые приехал в научную командировку в Югославию и обнаружил в библиотеках Белграда и Загреба не только мощный пласт югославской, но и англоязычной литературы о Сталине и переведенные на югославские языки работы всех репрессированных советских коммунистических деятелей, начиная с Л. Троцкого и Н. Бухарина, которых в Москве не было даже в спецхранах. А позже, работая в советском посольстве в Белграде, я получил возможность заказывать литературу о Сталине из Парижа, Лондона, Амстердама через своих друзей, профессоров Белградского и Загребского университетов.

Работа над задуманной книгой о Сталине продвигалась успешно, и к 1989 году я подготовил первый ее вариант. Но в это время генерал Д. Волкогонов, бывший начальник политуправления Советской армии, написавший до этого несколько книг об идеологическом воспитании советского офицера с позиций советского марксизма и никогда Сталина до этого момента не критиковавший, вдруг заявил с экрана ТВ, что он развенчал генсека, подготовив к изданию книгу «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина», где впервые широко использовал доселе не доступный никому архив Сталина. Это было действительно первое в СССР публичное исследование, где Сталин остро критиковался на основе обильного цитирования архивных документов. Не эпоха Сталина, не сталинизм как система, а именно лично генсек, которому противопоставлялся Ленин как носитель «правильного» социализма.

Бесспорной заслугой Волкогонова нужно считать тот факт, что он своей монографией взломал плотину научного молчания вокруг личности Сталина и ввел в оборот архивные документы по теме.

Правда, и цену за это генерал заплатил немалую: пришлось изменить все свои прежние взгляды и перейти в лагерь безудержных критиков не только Сталина, но и КПСС, советской власти, а потом и Ленина. В 1989 году в награду за это он был избран народным депутатом СССР, а потом – в Верховный совет РСФСР. Такой ценой ему удалось в 1989 году выпустить в свет четырехтомник с критикой Сталина и выйти на западного читателя. К генерал-полковнику Главного политического управления Советской армии пришли слава и деньги.

Однако на деле исследование Д. Волкогонова отличалось эклектичностью публикуемого материала, отсутствием свежих мыслей, выводов и заключений. Концептуально это был перепев западной сталинианы. И хотя автор был допущен в архивы политбюро ЦК КПСС, в его книге принципиальных открытий не случилось. За исключением цитат из архивных источников, все остальное ранее было опубликовано как в нашей периодической печати, так и в зарубежных монографиях.

Но после его публикаций книги о Сталине стали у нас плодиться как грибы после дождя. Правда, всему этому потоку недоставало объективности в анализе изучаемого феномена. На 99 % это была даже не критика Сталина, а, попросту говоря, брань в его адрес. Сталинизма как системы Волкогонов не касался.

У генерала тут же появилось много подражателей. При этом со временем обнаружилось, что на волне антисталинизма проявили себя не столько критики Сталина, сколько люди по каким-то причинам ненавидящие Россию как страну, Российское государство в его историческом развитии и более того – презирающие русских как народ, как нацию. Но при этом все они неизменно прикрывались критикой Сталина и сталинизма. Это меня сильно удивило. Получалось, что Сталин, борясь с такими людьми, боролся не только с противниками созданного им политического режима, но и с врагами России. Это обстоятельство еще более обострило мой интерес к исследуемой проблеме.

Постепенно я стал приходить к выводу, что Сталин был фигурой совсем не однозначной, и мазать его только одной краской было неверно. Стало ясно, что Н. Хрущев, обрушив в 1956 году на XX съезде КПСС уничтожающую критику в адрес Сталина, преследовал всего лишь одну цель – в глазах российской и мировой общественности оградить самого себя от обвинений в преступлениях в качестве многолетнего соратника Сталина.

После отстранения Хрущева от власти в октябре 1964 года на прилавках книжных магазинов стали появляться и книги, позитивно оценивающие Сталина и его деятельность. Но это была опять же одна краска: оправдывались абсолютно все деяния Сталина. Авторы не замечали миллионов жертв, которые «виноваты» были только в том, что не хотели принимать диктатора над ними большевистского политического режима.

Но сам я после книги Волкогонова продолжать тему Сталина больше не хотел. Рукопись почти законченной работы была заброшена на антресоли, и я к ней не прикасался почти 16 лет. Хотя книги о Сталине на русском и иностранных языках читать не переставал, конспектировал все, привлекавшее мое внимание, и пополнял свой личный архив, поскольку во мне вызывало протест то обстоятельство, что к оценке Сталина опять начали подходить необъективно. Постепенно я понял, что нужно вернуться к заброшенной на антресоли рукописи. И все же, чтобы прийти к окончательному решению в этом плане, мне чего-то недоставало.

Потом я понял, чего именно. Во всем огромном массиве сталинианы, где публиковалась масса детальных сведений о взаимоотношениях генсека с его окружением, начиная с Ленина, недоставало информации о личности генерального секретаря ЦК РКП(б), его, так сказать, психологического портрета. А без понимания этого аспекта я не видел смысла свою работу продолжать.

Правда, в США и Англии уже была в 1973 году издана книга «Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность», автор которой претендовал на то, что он создал психологический портрет генсека. Написанная серьезным американским исследователем Робертом Такером, работавшим переводчиком в американском посольстве в Москве, она стала хрестоматийной в мировой сталиниане, но только для западного читателя. Меня она удовлетворить не смогла прежде всего тем, что ее автор, на мой взгляд, не смог глубоко проникнуть в психологическую обстановку российского (именно российского, а не советского) общества того времени. Проживая в Москве с 1946 по 1953 год, женившись на советской гражданке, Такер описывал советскую, а не русскую действительность, да даже и не советскую, а скорее уж – московскую.

Он слишком уж сконцентрировался на внешних психологических особенностях личности Сталина, практически оставив за пределами своего внимания историческую обстановку того времени, традиции русской культурной жизни, исторический характер русского народа. А отсюда – не смог понять глубинных причин сталинских действий. А ведь еще Гегель в своей «Философии истории» обращал внимание на то, что исторические герои всегда действовали не столько в силу своих личных качеств, сколько в силу того, что требовали от них исторические обстоятельства.

Такер жил в советском мегаполисе. Москва, конечно, столица России, но все же не Россия во всей ее глубине и широчайшем многообразии. Работник американского посольства мог наблюдать только жизнь столичного города, да и то как иностранец: ему был запрещен доступ во многие места и квартиры. Откуда же ему было узнать (понять) традиции русской культурной жизни в самом широком понимании этого слова, исторический характер русского народа? Только из газет, радио, литературы. Характер российского общества понять невозможно, не зная, чем, какими мыслями и чаяниями живут люди в Сибири, в Татарстане, на Алтае, на Дальнем Востоке, в Магадане. Такер к этой жизни прикоснуться не мог. Хотя некоторые американцы, не в пример Такеру, это понимали.

Так, в середине мая 2008 года Россию покидал посол США в РФ Уильям Бернс, которому довелось дважды быть на дипработе в Москве – в 1990-х годах в качестве первого секретаря американского посольства и в 2005–2008 годах уже послом США. По его собственным словам, он совершил более 40 поездок по России, от Калининграда до Чукотки и от Мурманска до Северного Кавказа, пересек 11 часовых поясов. И тем не менее в конце своей карьеры он заметил: «Я покидаю Россию с определенной долей смирения, смирения в том смысле, что, наверное, стороннему лицу невозможно понять до конца Россию... Впечатлений у меня – огромное количество. И первое: сидя в Москве, понять Россию невозможно»².

Что же касается психологического портрета Сталина, то вакуум в этом плане заполнил роман Владимира Успенского «Тайный советник вождя». Эти два тома, в полном объеме увидевшие свет только в 2004 году, произвели на меня сильное впечатление. Я благодарен генерал-лейтенанту Леониду Шебаршину, который в конце 1990-х годов в одной из наших бесед обратил мое внимание на этого автора.

Жанр произведения Успенского определен как роман-исповедь, то есть мы имеем перед собой художественное произведение, к моей работе, казалось бы, никакого отношения не имеющее, так как я пишу в жанре исследования. Однако поскольку о Сталине к моменту появления этой книги мне было известно немало, то с первых же страниц романа В. Успенского мне стало ясно, что факты, освещаемые им, действительно имели место в жизни Сталина. Почти каждый рассказанный в романе конкретный сюжет подтверждался имеющимися в моем личном архиве документами, свидетельствами очевидцев из многочисленных мемуаров и работами самого Сталина. Но самым ценным в романе была попытка Успенского описать психологию некоторых поступков и действий генсека.

² Российская газета. № 101. 14 мая 2008 года. С. 9.

Сказанное не означает, что я разделяю все взгляды и оценки В. Успенского об исторической роли Сталина. Но я высоко оцениваю талант и честность писателя. В известном смысле книга Успенского подтолкнула меня к решению через 16 лет вернуться к рукописи о Сталине.

И еще одно замечание. Как уже говорил, предлагаемая мною книга построена на документах, свидетельствах, мемуарах, исследованиях российских и зарубежных авторов. Но есть в ней и элемент субъективности.

Мой отец, Кузнечевский Дмитрий Федорович, и мой дед, Кузнечевский Федор Ксенофонович, стали жертвами сталинских репрессий. До революции 1917 года дед держал в своих руках экономику крупного сибирского села Успенка Тюменской области, имел крупную библиотеку, конюшню со скаковыми лошадьми, для выполнения сезонных работ нанимал до 250 наемных рабочих, среди которых была и моя мама, Анна Колесова, из большой (7 детей) бедной семьи. Дед выделял ее из всех за старание и честность. И когда его сын Дмитрий признался в том, что влюбился в работающую в их хозяйстве батрачку, дед раздумывал недолго: «Анна – работающая девушка, если любишь – женись, води ее в дом».

Это был 1927 год. В 1929-м родился мой старший брат, Колька. А в 1932-м деда и отца большевики раскулачили.

Раскулачивал родной брат моей мамы, Алексей Колесов, который до революции был деревенским пастухом, а в 1932-м, как сын трудового народа, потомственный батрак, был поставлен первым секретарем районного комитета ВКП(б). Моего деда Алешка, как всегда называла своего непутевого брата моя мама, ненавидел люто, за авторитет на селе, за богатство.

Как рассказывала мама, в одну из летних ночей 1932 года к нам в дом прибежала встрепанная родная сестра мамы Шура и сказала, что Алешка дома пьет самогон с двумя гэпэушниками. Утром они придут раскулачивать всю семью деда, описывать имущество и отправят всех в ссылку.

Дед был мужик решительный. Он тут же, ночью, собрал семейный совет, на котором вынес свое решение:

– Митька, бери лошадей, Анну и Кольку и сейчас же отправляйся в Тюмень. Садись там на поезд и поезжай на Сахалин, там тебя не найдут. Лошадей оставишь Верке (старшая сестра моего отца, жила к тому времени в Тюмени), там разберемся.

– А как же ты, батя? – спросил отец.

– А что они мне сделают? Мне уже седьмой десяток идет. Ну, отберут все, так что теперь? У них власть. Буду ждать вас, когда все, может быть, переменится...

Дед, похоже, понимал, что он жертвует собой ради сохранения жизни своего сына, и шел на это сознательно, в крепких сибирских семьях такие отношения были обычным делом, никто не держал это за подвиг.

Отец был мужиком не менее решительным, чем дед. Он тут же подхватил на руки моего четырехгодовалого старшего брата и практически без вещей, вместе с мамой гнал всю ночь на лошадях почти 50 километров до Тюмени, а потом почти месяц они добирались до города Оха на Сахалине, где прожили 6 лет.

В конце 1938 года отец услышал, что Сталин приказал не преследовать больше раскулаченных крестьян, и родители вернулись в Успенку. Деда давно уже не было в живых. Алешка утром того же дня, когда родители бежали из села, взбешенный тем, что Митька Кузнечевский с родной сестрой Алешки скрылись, арестовал Федора Ксенофоновича и поместил в камеру с уголовниками. Дед потрясения не выдержал и через несколько дней умер прямо в камере.

Однако отца и на этот раз не оставили в покое. Кто-то, по-видимому все тот же брат мамы Алексей, стукнул в НКВД, что в деревню вернулся раскулаченный Кузнечевский. Но отца опять предупредили, что утром его придут брать (мир никогда не оставался без добрых людей). Под угрозой ареста, и снова ночью, он опять был вынужден бежать. В этот раз у него на руках, кроме моего десятилетнего брата, был и я, двух недель от роду.

Через месяц мои родители, проделав огромный путь на поезде до Усть-Кута, а потом на пароходе по реке Лене и ее притоку реке Витим, добрались до города Бодайбо Иркутской области, столицы Ленских золотых приисков. Отсюда отец в июне 1941 года ушел на войну. В декабре 1941 года в составе сибирской дивизии он уже участвовал в подмосковном наступлении, в частности в штурме железнодорожного вокзала в городе Калинин. Потом, после ранения и госпиталя, был переброшен под Ленинград, где в апреле 1942-го погиб.

В справке Архива Министерства обороны РФ, которую я получил много позже по своему запросу, сказано: «Командир отделения 320 стрелкового полка 11 стрелковой дивизии, младший сержант Кузнецhevский Дмитрий Федорович 1906 г. р., место рождения не указано, призван Бодайбинским горвоенкоматом в июне 1941 года, погиб 21 апреля 1942 года и похоронен в 2,5 км восточнее деревни Дубовик Тосненского района Ленинградской области в братской могиле. Место рождения не указано, родственники – кто не указано – проживают в г. Бодайбо». Вот и все сведения. Впрочем, не все. Господь распорядился так, что ровно через 51 год, 21 апреля 1993 года в нашей семье, немного раньше положенного срока, у нас с Ларисой родился сын, ровно в день гибели в бою с немцами моего отца. Сына мы в честь моего отца назвали Дмитрием, решив, что он совсем не случайно появился на этот свет именно в этот день: пришел на смену.

Довелось мне увидеть еще живыми и участников описанных выше событий. Летом 1961 года я возвращался из Москвы в Читу, к месту службы, с первенства Вооруженных сил СССР. Начальство разрешило мне на неделю задержаться в Тюмени, чтобы навестить родственников моих родителей. Там я разыскал еще живого брата мамы, того самого Алешку, который раскулачивал моих родителей. Было ему уже за 70 лет. Жил и работал он все в том же селе Успенка. Только не первым секретарем райкома партии, а конюхом. На мой вопрос, почему он так поступил с моими родителями, дед Алексей, не глядя на меня, потупив глаза, только и сказал:

– Такое было время...

Да, вот такое было время. Право умереть за Родину было у всех, а права на человеческую жизнь, или хотя бы на память об этой жизни, Родина своим сынам не предоставляла. Такова была сущность политического режима, который существовал в стране с октября 1917-го до декабря 1991-го.

В справке Архива МО РФ не случайно не указано ни где родился отец, ни кто родственники. Не существует и подлинной записи о моем рождении. Дело в том, что родители, как я уже говорил, вынуждены были в феврале 1939 года спешно, ночью, под угрозой ареста, бежать из Успенки, не успев зарегистрировать в селе факт моего рождения. Добравшись до Бодайбо, отец и мать пошли в городской орган регистрации, неся меня, двухмесячного, на руках. Женщина, выдававшая метрики о рождении, видя, что перед ней переселенцы, спросила, где родился мальчик. Село Успенка назвать было нельзя, так как там отца дожидался ордер на арест как раскулаченного. Если бы информация из Бодайбо туда ушла, отца нашли бы и арестовали. Поэтому мама назвала местом моего рождения Тюмень. Как она позже рассказывала мне, они с отцом исходили из того, что областной центр проверять не станут, даже если информация из Бодайбо туда и придет.

Во-первых, Тюмень – город большой, а во-вторых, стоит он на Транссибирской магистрали, человеческий поток через него проходит огромный, там можно легко затеряться. Паспортистка вдаваться в подробности не стала и, записав место моего рождения со слов родителей, выдала метрики на меня.

Теперь я понимаю, почему на фронте отец не назвал место своего рождения. Он и на войне думал о том, как защитить жену и сыновей от преследования НКВД: укажи он село Успенка, шлейф раскулачивания всю жизнь тянулся бы за его семьей (а выжить на войне он, судя по всему, не рассчитывал). Но бесчеловечная большевистская система оказалась бдитель-

ней, чем думалось отцу: позже мою связь с погибшим на войне отцом НКВД все же вскрыл и меня, как сына раскулаченного сибирского крестьянина, всю мою сознательную жизнь тыкали в мою родословную вплоть до русской либеральной революции 1991 года.

Необходимая оговорка. Предлагаемая монография – не хронология жизни Сталина. В российской сталиниане жизнь Сталина исчерпывающе, на мой взгляд, отражена в работах Ю. Емельянова, Н. Капченко, других книгах. Но в особенности считаю необходимым отметить диологию С. Рыбас, Е. Рыбас³. К ней и отсылаю интересующихся.

Я же писал не политическую биографию советского вождя. В мою задачу входил анализ тех действий и поступков Сталина, которые сыграли важную роль в становлении его как политического и государственного деятеля российского и мирового масштаба.

Главное же, к чему я стремился при этом, – понять мотивацию этих действий. Для меня важно – почему Сталин вел себя в той или иной ситуации именно так, как он себя вел, а не иначе. Какие цели он при этом перед собой ставил? И ставил ли вообще? Что из задуманного ему осуществить удалось, а что – нет? А если не удалось, то в силу каких причин?

Для абсолютного большинства авторов сталинианы, особенно зарубежных, остается фактом, что Сталин вел свою собственную войну против своего народа. Но была ли такая война? А если временами это и походило на войну с народом, то почему Сталин это делал?

При этом я полностью отдаю себе отчет в том, что нам, живущим всего-то лишь через несколько десятков лет после смерти Сталина, ответить на эти вопросы адекватно вряд ли удастся. Да и сам Сталин как подлинная историческая личность всей своей жизнью оставил нам больше вопросов, чем ответов на них.

Строго говоря, я всего лишь предпринял попытку поставить эти, а также и другие вопросы:

– Почему литература о Сталине через десятки лет после его смерти стала набирать силу и пользоваться все более широким спросом? Почему в XXI столетии в книжных магазинах не только Москвы, но и глубокой провинции России стали появляться стеллажи, на которых написано: «Книги о Сталине»? Почему возле этих книжных полок в Москве и Твери, Ярославле и Рязани, Пестове и Устюжне толчется молодежь?

И наконец, главный вопрос, из разряда «проклятых», который не перестает мучить многих из нас: коли Сталин был, как иногда пишут многие публицисты и даже отечественные историки, «проклятием России», тогда, выходит, наши отцы, матери и деды, да и многие из нас, прожили свою жизнь напрасно? Так ли это?

Начать же эту книгу я решил не с того, где родился Иосиф Джугашвили, что в детстве повлияло на него более всего в формировании мировоззрения и менталитета, где и как встретился с Лениным и чем отличался от него, где и почему их пути кардинально разошлись и т. д. Начать надо, видимо, с того, что народ наш безусловно связывает с именем Сталина и безоговорочно ставит ему в заслугу, – с Великой Отечественной войны. Хотя, как только теперь это становится ясно, и этот период в жизни вождя однозначной оценке не поддается.

³ Рыбас С. Ю., Рыбас Е. С. Сталин. Судьба и стратегия. В 2 книгах. М.: Молодая гвардия, 2007.

Часть первая. Война

Глава 1. Почему нашествие стало внезапным?

Римляне, предвидя беду, заранее принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника.
Никколо Макиавелли

Великая Отечественная война длилась 1418 дней и ночей. У тех, кто жил тогда, это событие навечно отложилось в памяти как единое целое, без разбивки по дням. Но вряд ли я ошибусь, если скажу, что сколько будут на планете Земля существовать русские люди, столько в народном сознании не изгладится память о национальной катастрофе, случившейся 22 июня 1941 года, когда гитлеровская Германия внезапно напала на Советский Союз. Мы победили наглого и безжалостного агрессора, но и по прошествии многих десятков лет после 1945 года нет в моей стране семьи, которая бы не отдала своей жертвы за эту победу. И до сих пор народ мой считает, что жертв было бы в разы меньше, если бы Сталин в силу своих личных просчетов не допустил этой внезапности. Почему же все-таки эта внезапность, ценой за которую стали миллионы жизней, случилась?

Общим местом считается, что Сталин ошибся потому, что поверил на слово Гитлеру, пакту о ненападении, заключенному между Германией и СССР в августе 1939 года, и не поверил своим собственным военным, экспертам, донесениям разведки, У. Черчиллю, наконец, который еще в конце апреля 1941 года обратил внимание Сталина на необычайную концентрацию германских войск на границе с Советским Союзом, добавив в конце своего письма: «Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта»⁴.

Большинство авторов сталинианы, и в России, и за рубежом, справедливо пишут, что в тенетах своей параноидальной подозрительности вождь не верил никому, кто предупреждал его о скорой угрозе немецкого вторжения.

Получается, однако, что двум человекам Сталин все-таки верил – Гитлеру и самому себе. Гитлеру – потому что еще 14 мая 1941 года, сразу после скандального полета 10 мая в Англию заместителя фюрера по партии Р. Гесса, Гитлер прислал личное письмо Сталину, где «честью главы государства» заверял Сталина в том, что все разговоры о возможном нападении Германии на СССР являются не более чем «слухами», и призывал Сталина «не поддаваться ни на какие провокации»⁵. Самому себе – потому что был абсолютно уверен в том, что Гитлер не сумасшедший и, пока не расправится с Англией, не допустит войны Германии на два фронта.

Известный историк, директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН, автор 46 книг, профессор Анатолий Иванович Уткин воспроизводит в своей статье канву событий мая – июня 1941 года, которые предрешили внезапность фашистского нападения на СССР.

«Барбаросса» сдвинулся на месяц

В течение шести месяцев германское командование сосредоточило на границах СССР 3,2 миллиона солдат. Впрочем, опьянение быстрыми победами в Европе ли шало германскую армию не только природной рассудительности. За день до выступления против России Гит-

⁴ Churchill W. The Second World War. Vol. 3. London, 1950. P. 320.

⁵ Полный текст письма со ссылкой на Уильяма Ширера приводит известный российский историк А. И. Уткин (1944–2010).

лер отдал приоритет производству самолетов, танков и подводных лодок перед производством оружия и боеприпасов для полевой армии. Даже в разгар войны, 16 августа 1941 года, «ввиду приближающейся победы над Россией» он приказал сократить вооруженные силы, не увеличивать впредь производственные мощности, поставки сырья и рабочей силы для военной промышленности. Не было предпринято никаких мер предосторожности на случай неожиданного поворота фортуны.

14 мая фюрер написал Сталину:

«Я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе – не только для нас, но и для будущих поколений без окончательного крушения Англии и разрушения ее как государства. Как вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. Чем ближе час решающей битвы, тем значительнее число стоящих передо мной проблем. Для массы германского народа ни одна война не является популярной, а особенно война против Англии, потому что германский народ считает англичан братским народом, а войну между нами – трагическим событием. Не скрою от Вас, что я думал подобным же образом и несколько раз предлагал Англии условия мира. Однако оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан в области военных операций – с явным желанием втянуть весь мир в войну, убедили меня в том, что нет пути выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

Английская разведка самым хитрым образом начала использовать концепцию «братоубийственной войны» для своих целей, используя ее в своей пропаганде – и не без успеха. Оппозиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

Эти обстоятельства требуют особых мер. Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас – и даю слово чести, что это неправда...

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца. Начиная примерно с 15–20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы.

Ожидаю встречи в июле. Искренне Ваш,

Адольф Гитлер».

Когда это письмо было написано, дата начала войны против Советского Союза – 22 июня – еще не была утверждена. Окончательное решение Гитлер принял 30 мая⁶.

Но по большому счету дело-то ведь не в доверии или недоверии кому-то. По общему признанию историков, к 1941 году Сталин был одним из самых образованных лидеров XX века. Отмечают, что в буквальном смысле запоем читал он и специальную историческую литературу. Это ведь именно он в 1932 году на высоком профессиональном уровне раскритиковал историческую школу академика М. Н. Покровского и вернул в российские (советские) университеты исторические факультеты, упраздненные еще в ленинские времена тем же Покровским⁷.

С высоты этой образованности факт сосредоточения такого огромного количества германских войск на ограниченном участке советской границы должен был серьезно насторожить вождя. Он же не мог не понимать, что этот факт означал не только колоссальные национальные затраты для Германии, но и выведение из народного хозяйства огромного количества квалифицированной рабочей силы. Такое не может происходить случайно, и это не может продолжаться долго по времени. Эти силы для того и сосредотачиваются, чтобы быть приведены в действие. И в какое действие – гадать не приходилось. Сталину именно об этом и говорил Г. К. Жуков и другие военачальники.

Значит, исходя исключительно из реальности, Сталин должен был внять настойчивым просьбам военных и разрешить им привести в состояние боевой готовности свои войска. Но он этого не сделал. Более того, теперь-то мы знаем, что он не только жестко пресекал даже мимолетные обсуждения этой темы, но и вообще не контролировал лично дислокацию воинских частей РККА, считая, что этой информацией должен обладать Генштаб, а не глава правительства и генеральный секретарь ЦК ВКП(б), коим он к этому времени являлся. (Известно, например, что он был сильно – и искренне – удивлен, когда утром 23 июня узнал, что командующий Западным Особым военным округом генерал Павлов вывел накануне войска своего округа в летние лагеря, оторвав их от всех баз снабжения и не обеспечив боеприпасами.)

Дискуссии историков при обсуждении ответа на этот вопрос не прекращаются и сегодня. Один из тех, кто позитивно оценивает историческую роль Сталина, автор дилогии «Сталин. Путь к власти» и «Сталин. На вершине власти» Ю. В. Емельянов посвятил этому событию специальную главу, которую так и назвал: «Почему нападение Германии стало для Сталина неожиданным?». Подвергнув анализу самые разные точки зрения на катастрофу 22 июня, от Хрущева и Резуна (Суворова) до Жукова и Василевского, автор в конце концов беспомощно разводит руками: «Нам не дано знать, можно ли было предотвратить катастрофу»⁸. Ну что ж, это тоже ответ.

А вот один из самых известных биографов Сталина Святослав Рыбас, книга которого «Сталин» в серии ЖЗЛ с 2009 по 2016 год выдержала четыре издания, считает, что никакой вины за этот катастрофический просчет Сталин вообще не несет.

«Дату 22 июня 1941 года, день нападения Германии на СССР, – пишет этот авторитетный историк, – принято считать символом сталинского провала: готовясь к отражению агрессии и держа в страшном напряжении экономику и население страны, вождь был застигнут врасплох. Жертвы и лишения периода индустриализации в годы войны выросли до исполинских размеров (С. Рыбас почему-то ни слова не говорит здесь о жертвах сталинской коллективизации, которые в количественном отношении в разы превышают жертвы индустриализации, но об этом мы будем говорить ниже. – *Вл. К.*). Даже победив в войне, СССР в 1945 году по состоя-

⁶ Российская газета. 2008. 20 июня.

⁷ См. специальное расследование этого сюжета в книге: Кузнецhevский В.Д. Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931–1953. М.: Центрполиграф, 2016. С. 22–38.

⁸ Емельянов Ю. В. Сталин: Путь к власти; Сталин: На вершине власти. М.: Вече, 2002. С. 210.

нию экономики и размерам человеческих потерь представлял собой проигравшее государство. Можно ли руководителя такого государства обвинять в непростительных ошибках?

Но как ни странно это покажется, мы его не обвиняем»⁹.

«В историческом сознании русских дата 22 июня стала вовсе не символом сталинского провала, – пишет он в четвертом издании книги «Сталин», – а знаком великой народной трагедии, равной монгольскому нашествию. Равно как древнерусские князья, не сумевшие защитить страну от более сильного врага, так и Сталин в 1941 году не воспринимается как единственный виновник случившегося.

Вообще, те, кто хочет видеть в одном Сталине источник преступлений, не вполне понимают ход истории»¹⁰.

К сожалению, Святослав Юрьевич не счел необходимым исследовать истоки этого сталинского просчета. Между тем даже первичный анализ той ситуации позволяет прийти к выводу, что ошибка Сталина в том и состояла, что, достигнув к этому времени диктаторской власти в СССР, он верил только в свой собственный анализ международной ситуации. А этот анализ, построенный на учении марксизма-ленинизма, сообщал ему убежденность в том, что в международных отношениях, как ни в какой другой сфере человеческой деятельности, категория объективного превалирует над субъективным.

⁹ Рыбас С. Ю., Рыбас Е. С. Указ. соч. Кн. 2. С. 275–276.

¹⁰ Рыбас С.Ю. Сталин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 586. Немного странным выглядит сравнение Сталина с древнерусскими князьями, которые-де не сумели защитить страну. Дело в том, что в 1941 г. за спиной Сталина стояло действительно сильное единое государство, а во времена монгольского нашествия такого государства еще не было и в помине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.